

Александрова-Осокина Ольга Николаевна

ОБРАЗ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ В ОЧЕРКОВОЙ ПРОЗЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

В статье на примере очерков Н. М. Карамзина (1802 г.), А. Н. Муравьева (1835 г.), и С. П. Шевырева (1847 г.) рассматривается круг вопросов, связанных с развитием духовной прозы первой половины XIX в.: конкретизируется проблематика, иллюстрируются механизмы художественно-публицистического ее воплощения. Историко-литературная значимость материала состоит как в осмыслении тематического и стиливого богатства духовно-религиозной прозы, так и в возможности расширить представления о содержательных и идейно-художественных границах отечественной очеркистики XIX в.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/3-2/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (33): в 2-х ч. Ч. II. С. 17-21. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

В заключение отметим, что также большинство других периферийных персонажей романа хотя и в разной степени, но достаточно последовательно выражают убеждение Достоевского в том, что «тьма» поразила души людей, сделала их неспособными слышать божественный голос, голос своей совести, что с необходимостью выражается в их языковых портретах.

Итак, язык романа «Идиот» последовательно объективирует религиозное мировосприятие Достоевского, мыслящего исключительно сквозь призму новозаветной Священной Истории: не только центральные, но и периферийные образы романа объективируются в виде той или иной метафоры, где структура цели последовательно соотнесена с конкретным действующим лицом Евангелий.

Список литературы

1. **Азаренко Н. А.** Морбиально-религиозная метафорика в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вестник ВГУ. 2013. № 2. С. 108-112.
2. **Азаренко Н. А.** От Родиона Раскольникова к Ивану Карамазову (к вопросу эволюции художественного типа в творчестве Ф. М. Достоевского) // Русская словесность как основа возрождения русской школы: сб. статей по материалам III Междунар. конф. Липецк: ЛГПУ, 2012. С. 77-81.
3. **Азаренко Н. А.** Языковые средства объективации христианских мотивов в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Липецк: ЛГПУ, 2013. 262 с.
4. **Григорьева Т. В.** Метафорическая оппозиция «чистый» – «грязный» как способ языковой интерпретации действительности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31). С. 56-58.
5. **Достоевский Ф. М.** Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 8. 510 с.
6. **Иустин преподобный (Попович).** Достоевский о Европе и славянстве / вступит. статья Н. К. Симакова; перев. с серб. Л. Н. Даниленко. М. – СПб., 2002. 271 с.
7. **Мельникова Л. А.** Ф. М. Достоевский и Г. Бёльль: проблема литературных влияний (на материале романов «Идиот» и «Групповой портрет с дамой») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31). С. 94-99.
8. **Назрив Р. Г.** Творческие принципы Ф. М. Достоевского. Саратов, 1982.

RELIGIOUS METAPHORICS OF PERIPHERAL CHARACTERS IN NOVEL BY F. M. DOSTOYEVSKY “THE IDIOT”

Azarenko Nadezhda Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Lipetsk State Pedagogical University
azarenko.nadezhda@yandex.ru

In the article the linguistic description of F. M. Dostoyevsky's artistic metaphors is given, that has found its realization both in agonists and in peripheral characters in the novel “The Idiot”. The research of Dostoyevsky's Christian works from the metaphorical point of view is a new one for modern philology and may become a new instrument of interpreting Dostoyevsky's worldview and consequently it may become a new way to read the writer's final works.

Key words and phrases: cognitive metaphor; metaphorical model; metaphORIZATION; antithesis; God; devil.

УДК 82-4; 82-43

Филологические науки

В статье на примере очерков Н. М. Карамзина (1802 г.), А. Н. Муравьева (1835 г.), и С. П. Шевырева (1847 г.) рассматривается круг вопросов, связанных с развитием духовной прозы первой половины XIX в.: конкретизируется проблематика, иллюстрируются механизмы художественно-публицистического ее воплощения. Историко-литературная значимость материала состоит как в осмыслении тематического и стилистического богатства духовно-религиозной прозы, так и в возможности расширить представления о содержательных и идейно-художественных границах отечественной очеркистики XIX в.

Ключевые слова и фразы: духовная проза; очерк; традиция и новаторство; «хождение»; житие; экфрасис; православие и литература.

Александрова-Осокина Ольга Николаевна, к. филол. н., доцент
Дальневосточный государственный гуманитарный университет
osokina-11@mail.ru

ОБРАЗ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ В ОЧЕРКОВОЙ ПРОЗЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. ©

Статья обращена к осмыслению особенностей художественно-публицистического освоения духовной тематики в очерковой прозе первой половины XIX в. Рассматриваются три очерка, посвященные Троице-Сергиевой Лавре: Н. М. Карамзина («Исторические замечания и воспоминания на пути к Троице», 1802 г.),

А. Н. Муравьева (глава «Троицкая Лавра» из книги «Путешествие по святым местам русским», 1835 г.) и С. П. Шевырева (глава «Троица» из книги «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь», 1847 г.). Авторы отделены друг от друга несколькими десятилетиями, их взгляды на историю России были связаны с различными культурно-историческими традициями, тем важнее обратить внимание на сходство их художественно-философской позиции в понимании роли русских монастырей в отечественной истории. Проблематика произведений представляется чрезвычайно важной в атмосфере духовного творчества первой половины XIX в.: в это время идет становление русской историографии, философской и богословской мысли, складываются концепции национального развития. В этом контексте размышления авторов очерков о значимости церковно-религиозного начала в русской государственности звучат не как публицистическая риторика, но как размышления о путях национального исторического развития, о роли человека в истории, о неразрывной связи земного и небесного.

П. А. Флоренский писал об особой роли Свято-Троицкой Сергиевой Лавры в русской культуре: «тут не только эстетика, но и чувство истории, и ощущение народной души, и восприятие в целом русской государственности <...> Здесь ощутительнее, чем где-либо, бьется пульс русской истории, <...> здесь Россия ощущается как целое» [13, с. 186]. Именно это понимание демонстрируют авторы в анализируемых произведениях, показывая Троице-Сергиев монастырь как духовный центр России и сердце русской культуры, связанный с узловыми точками русской истории; как «краеугольный камень царства Московского и всея Руси» [11, с. 4]; дорогой «не только для сердец набожных, но и для ревностных любителей отечественной славы» [7, с. 207]. В его истории неразрывно соединились религиозно-духовное, военное и патриотическое служение: «два сильные чувства: любовь к отечеству и вера, вооружают защитников» [8, с. 287], «святые гимны христианские <...> были для русских гимнами битвы» [Там же, с. 292].

Отчетливо звучит в очерках мысль о соборном духе русской допетровской Руси, который находил яркое воплощение в деятельности русских монастырей. По мысли А. Н. Муравьева, Лавра предстает «во всем блеске своей народной славы» [11, с. 20]; единство народного духа и сама русская государственность скрепляются не только военными, экономическими или политическими событиями, но религиозным подвижничеством духовных пастырей. «Должно отдать справедливость Российскому Духовенству: оно во всех народных бедствиях изъясняло героический патриотизм», – пишет Н. М. Карамзин [8, с. 294]; ему вторит А. Н. Муравьев: «Воззри духовным оком, на какие таинственные области разделена вся Россия; у каждого града свой предстатель: здесь молится Сергий, в Ростове Дмитрий и Даниил в Переяславле, в Москве же целый лик угодников, но и Сергий отседа блюдет Москву» [11, с. 50].

С. П. Шевырев пишет о том, что русские монастыри были не только религиозными и военными оплотами, но олицетворяли собой тип русской православной духовности. Он рассматривает средневековый европейский замок и русский монастырь как символические модели двух типов культур: «Наши замки – монастыри, где личная сила избранных мужей не развивалась произвольно, а, напротив – в молитве, посте, нищете, смирении подчинялась силе Божьей и примером своим учила этому подчинению и власти, и народ» [14, с. 199].

В очерках отчетливо звучит мысль о том, что основой исторического культурного созидания, является духовная преемственность поколений и здесь важной становится религиозная, миссионерская деятельность подвижников Лавры. По мысли А. Н. Муравьева, Лавра стала школой русского иночества, духовными учениками Преподобного (Саввой Звенигородским, святым Ферапонтом, преподобным Кириллом Белозерским, Сильвестром и Павлом Обнорскими и другими подвижниками) было основано более 40 обителей.

Идею духовной связи поколений по-своему развивает С. П. Шевырев. По мысли писателя, педагоги Московской духовной академии (А. В. Горский, Ф. А. Голубинский, П. С. Казанский, Е. В. Амфитеатров), являющие в своей деятельности «пример трудолюбия в соединении со смирением, не признающим своей личности» [Там же, с. 26], продолжают учительные традиции, заложенные еще преподобным Сергием. Сочетание знания и скромности, отличительная черта педагогов Московской духовной академии были как бы продолжением духовного аскетизма иноков Лавры. «Как часто у нас там не сознается личность, где она является сосудом мысли светлой, Божественной, и сознается сильно там, и кричит на всю Россию, где она только сосуд самолюбия» [Там же, с. 36]. Писатель проводит параллель между духовными наставниками Лавры и французскими философами-просветителями: дом митрополита Платона (Левшина) напомнил ему Фернейский замок Вольтера [Там же]; Ф. А. Голубинский кажется ему похожим на Шеллинга («та же ясная голубизна в глазах, та же дума») [Там же]. Но одновременно указывает и на отличия, которые видит в религиозной углубленности русских учителей: страстности Шеллинга противопоставлено «спокойное самоуглубление» [Там же, с. 31] Ф. А. Голубинского; дом Вольтера украшает изображение Апполона, а митрополита Платона – изображение Ангела, с надписью «Горé сердца» [Там же, с. 39]. Образ учителя был активизирован в русской литературе в эпоху Просвещения, и с этого времени русские и иностранные учителя, крепостные наставники, гувернеры заняли заметное место в круге литературных типов (см.: [3; 12]). С. П. Шевырев, продолжая «учительную» линию русской литературы, обращается к образу священника-педагога, показывая его носителем особого типа знания, неразрывно соединенного с православной верой. Не случайно писатель сопоставляет в своем произведении педагогов Московской духовной академии с Шеллингом и Вольтером – именами, ставшими на несколько десятилетий символами учительства в русской культуре: он заставляет обратить внимание на иные традиции русской школы, связанные с русской церковной культурой.

Духовное, метафизическое начало в жизни Свято-Троицкого Сергиевого монастыря становится главным предметом художественного исследования в очерках; в центре – вопросы Божественного покровительства, чуда, религиозной веры, догматов христианства, православной жизни. Н. М. Карамзин подчеркивает, что

Божье заступничество не оставляло Лавру в годы болезней: «когда Москва и окрестности ее представляли ужас язвы <...> ни один человек не заразился в монастыре, открытом для всех молельщиков, которые толпами приходили в него» [8, с. 287]. А. Н. Муравьев пишет, что Троице-Сергиева Лавра – место, где «сходятся» вечное и преходящее; здесь чувствуется связь двух миров: «былого, где все уже обратилось в призрак, и вечного, где все живет не нашей жизнью, проникает невольным трепетом душу и кладет на уста молитву, сию связь и язык всех времен и миров» [11, с. 4]; земное и небесное неразрывно связаны в деятельности монастыря: «здесь представляются воображению две таинственные лестницы: одна по бесчисленным ступеням деяний глубоко низводит на дно священной старины русской, другая молитвенно возводит к небу <...> и в созерцании обеих, смущается мысль, блуждая в дольних, теряясь в горних» [Там же, с. 3].

Художественным ориентиром для авторов стала древнерусская словесность: летописи, хождения, жития, литургическая поэзия. О связи с древней литературой пишет А. Н. Муравьев, цитируя в своем произведении «Сказание» Авраамия Палицына, жития преподобного Сергия Радонежского и архимандрита Дионисия. С библиотекой монастыря знакомится С. П. Шевырев и делает ряд интересных наблюдений о греческом влиянии на русскую письменность, о качестве оформления и содержания древних конволютов; в древней словесности писатель видел отражение культуры и психологии народа, проявление духа нации.

В очерках поэтика древнерусской литературы переплеталась с образностью современной литературы; картины «посюстороннего» мира оказывались знаками мира горнего; мотивы «молитвы», «лестницы», «неба» становились смысловыми опорами. Художественные поиски Н. М. Карамзина, А. Н. Муравьева, С. П. Шевырева оказывались в общем русле развития отечественной историографической прозы, в которой «творческое освоение древних духовных преданий Отечества, <...составляло...> основание для дальнейшего развития русского художественного слова» [10, с. 197].

Сюжетно-композиционное строение очерков следовало за маршрутом путешествия, повторяя форму путевого очерка, или более древнюю форму – хождения. Увидеть связь очерков с древнерусскими хождениями позволяет и тема богомолья (странничества), нашедшая отражение во всех очерках. Н. М. Карамзин рассматривает богомолье как важную форму русской национальной культуры: «я выехал из Москвы на ту дорогу, по которой столь часто Цари Русские езжали и ходили на богомолье, испрашивать победы или русской традиции странничества и поклонения Троице <...> сие отменное усердие к Лавре не прохладается в сердцах Россиян. <...> и в радостях, и в горестях своих посещают ее, <...> ездят сюда на богомолье» [7, с. 208]. С паломническими традициями связывает свое произведение и А. Н. Муравьев: «Сие краткое описание <...> может отчасти служить продолжением моему путешествию ко Святым местам, потому что в Палестине возникло во мне желание посетить их <...> помню, как смутили меня иноки Иерусалимские, когда <...> начали спрашивать у меня о Троицкой Лавре, и я должен был им признаться, что <...> никогда не видел сей родственной святыни, близкой сердцу каждого Русского» [11, с. V]. В очерке С. П. Шевырева одной из центральных становится тема духовных истоков и основ национальной жизни; писатель приводит многочисленные примеры проявления народной веры, традиций; описания встреч с богомольцами дают представление о широте географии русского странничества: «Тот с Воробьевых гор, другой из-под Боровска, этот из Рязска» [14, с. 15]; народные поговорки, приведенные в очерке, отражают характер народной веры: «Не было бы ни рук, ни ног – катком бы покатила с чудотворцу» [Там же].

Форма «хождения», к которой обратились писатели, потенциально несла в себе все богатство художественного мироотражения, выработанного в рамках этого жанра. Хождения были любимы русским читателем, по свидетельству В. В. Данилова, это был единственный жанр древнерусской литературы, доживший до XIX столетия «не по линии научных, историко-литературных интересов, а в живом народном чтении» [6, с. 21]. Исследователь «хождений» О. Л. Белоброва среди жанровых критериев прежде всего называет религиозный характер отображенного материала и особый тип авторского мирозерцания (это паломник, богомолец, человек, переживший религиозные чувства покаяния, молитвы) (см.: [2]); «благочестивыми путешествиями» назвал хождения Н. К. Гудзий [5, с. 64]. Именно это мировосприятие и отражают очерки: авторы, являясь «светскими» путешественниками с мирскими задачами, на Троице-Сергиеву Лавру смотрят глазами русских паломников, воспевая ее подвижников, очаровываясь красотой храмов.

Художественный мир очерков отразил формирование русского национального пейзажа. Н. М. Карамзин воспринимает природу окрестностей Троице-Сергиева монастыря в ореоле романтической загадочности и таинственной величественности: ему видится «величественная крепость», окруженная горами, «дремучим лесом», «мраком лесов и диким уединением», «безмолвием пустынь»; ее «готические башни» и «каменные стены» служат «не столько от мирских соблазнов, сколько от грозных неприятелей» [8, с. 287].

А. Н. Муравьев рисует детали, знакомые каждому русскому: «ароматный запах сена, скошенного кругом ограды», редкие «огни в домах посадских», «внезапный лай чутких собак», «запоздалые богомольцы», «гул на мосту от топота копыт или стука колес», «стук сторожа в доску», звук «заливающегося вдали почтового колокольчика», «гармоничная октава монастырского часового колокола». Храмы и колокольни окружены «обширными полями и рощами, рассеянными по оврагам» [11, с. 2-3]. Узнаваемы детали русской природы в очерке С. П. Шевырева: «Дождик ливнем лил, когда отправились мы к Троице. Заволокло со всех сторон – и на сплошном небе ни трещинки, которая бы обещала перемену к лучшему, <...> лишь только мы выехали на поляну и понесли по березовому проспекту, влево семицветная дуга двойной окружностью охватила небесный свод <...> оба конца ее упирались на чистое поле и все семь цветов ее горели ярко-ярко» [14, с. 17-18].

Традиции хождений и житийной литературы особенно ярко проявляются в особенностях религиозного экфрасиса и создании образа преподобного Сергия Радонежского. В создании экфрасиса авторы обращаются не к внешнему виду монастырского комплекса, а к исторической памяти. Для Н. М. Карамзина важным памятником становится обелиск, установленный митрополитом Платоном (Левшиним), посвященный историческим деяниям Лавры. А. Н. Муравьева более интересовала религиозная история Лавры, центральную часть экфрасиса в его очерке занимают росписи Троицкого собора, содержанием экфрасиса становится не художественное мастерство, а изображенные на фресках события жития преподобного Сергия: «вот таинственный муж дает неопытному отроку дар изучать письма, <...> вот он уже избрал себе дикое уединение и делится пищею с лесными зверями <...> там <...> он благословляет Донского князя на борьбу с Мамаем» [11, с. 5]. В экфрасисе Троицкого собора и ризницы А. Н. Муравьев сравнивает земное и небесное богатства. В иконостасе собора, который «от южных дверей и до северных <...> облит золотом, жемчугом и драгоценными камнями; Врата царские, балдахин <...> вылиты из серебра. Ковчег <...> Евангелие, сосуды <...> цены необычайной <...> свыше всякой цены самые чудотворные иконы, памятные своими исцелениями и усердием царей, их украшавших» [Там же, с. 8]. Среди богатств монастырской ризницы, где «глаза разбегались от несметного числа камней и жемчуга» [Там же, с. 50], находится «первейшее сокровище Лавры, затмевающее все прочие» [Там же, с. 51] – посох, крашенинная риза и деревянные сосуды, принадлежащие преподобному Сергию.

У С. П. Шевырева экфрасис также носит не описательный, а изъяснительный характер (рассказывается, что именно изображено), наряду с историческими описаниями он включает и религиозное толкование: «Обширная трапеза перед церковью Преподобного Сергия вся исписана живописью. На потолке изображены: Страшный суд, Вознесение Божьей Матери и Апостолы внизу <...> Рисунок смел и композиция величава» [14, с. 21]. Так религиозный экфрасис очерков оказывается для читателя «приглашением-побуждением к историческому и духовному видению как <...> восприятию высшего мира» [4, с. 16].

В создании образа преподобного Сергия Радонежского, сохраняя житийную канву повествования, писатели обращаются к философскому осмыслению вклада преподобного в духовное формирование нации; здесь вопросами для осмысления становятся такие категории, как «духовный подвиг», «власть», «служение», «земное-небесное». Для Н. М. Карамзина преподобный Сергий Радонежский – «святой муж и патриот», «славное знамя России» [8, с. 287], молитвы которого добывают «благоденствие отечеству» [7, с. 207], а образа берут в походы цари Алексей Михайлович и Петр Алексеевич; говоря о служении Сергия, Н. М. Карамзина акцентирует мотив «ухода от света», который представлял «горестное зрелище злодейств и бедствий» [8, с. 287].

А. Н. Муравьев в создании образа преподобного Сергия Радонежского подчеркивает живое присутствие святого и его учеников в делах и жизни Лавры и всей России: «время общественных бедствий – есть его время: когда все уже кажется гибнущим, тогда воздвигается Сергий» [11, с. 9]. Облик Святого раскрывается в системе перифразов: Сергий – «двигатель царей и народов» [Там же, с. 7]; гробница Сергия – это «торжественная колесница, с которой отражает он врагов России», а гробовая доска – это «кипарисовый щит», которым он укрывает Россию. Важной идеей в создании образа является идея власти: писатель считает, что истинная власть – это небесное служение и моление за народ. В свете этого видения он трактует известный факт из жизни Сергия – отказ от предложения митрополита Всея Руси Алексия стать его преемником: «На небесах довершил он сей подвиг послушания, приняв горе, предложенное ему долу» [Там же]; отказавшись принять сан митрополита всея Руси, Преподобный Сергий совершил этот отказ только в земной жизни, перейдя же в жизнь вечную, он стал вечным заступником и хранителем Руси.

В очерке С. П. Шевырева подчеркивается значимость духовного подвижничества преподобного Сергия как вдохновителя идеи Святой Троицы на Руси: «Он учил народ исповедовать Святую Троицу <...> все сотворила здесь одна верховная мысль христианства, камень его премудрости – мысль о Пресвятой Троице. Ею-то угодил преподобный Сергий Богу и народу русскому, который с именем Бога, в Троице поклоняемого, соединяет и имя его ученика» [14, с. 20]. Эта мысль получала развитие в трудах русских философов и богословов; так П. А. Флоренский пишет: «Троичный храм <...> есть прототип духовного собирания Руси в духовном единстве <...> в котором находят точку опоры и высшее оправдание все стороны русской жизни» [13, с. 199].

В очерках Н. М. Карамзина, А. Н. Муравьева, С. П. Шевырева центральное место занимают вопросы русской истории и религиозной культуры, намечены портреты исторических лиц, священников, духовных наставников, затрагиваются вопросы церковной жизни, религиозного образования, народной религиозности, осмысливается роль церкви в просвещении народа и развитии русской культуры. Произведения их, написанные почти два столетия назад, звучат очень актуально в наши дни, когда очень важно не утратить истинные духовные ориентиры и помнить о духовном вкладе в русскую культуру великих подвижников Божьих (см.: [1, с. 3]).

В очерках получили воплощение формы художественно-публицистического отражения национального религиозного пространства, обнаружилось философское чувство истории, в котором соединилось прошлое и современность, земное и небесное, мирское и религиозное. Троице-Сергиева Лавра воспринимается авторами как национальный символ, духовное звено, связывающее историю христианства с русской культурой. Произведения могут быть рассмотрены как пример духовной прозы, в которой затронуты историсофские, богословские, нравственные вопросы, что позволяет поставить вопрос о расширении содержательных и идейно-художественных границ отечественной очеркистики первой половины XIX в.

Список литературы

1. Батурова Т. К. Святой праведный Иоанн Кронштадтский о воспитании и образовании // Духовно-нравственный и эстетический потенциал русской литературной классики: сб. науч. ст. / под ред. И. А. Киселевой, Т. А. Алпатовой. М.: ИИУ МГОУ, 2013. С. 3-7.
2. Белоброва О. Л. Хождения // Литература Древней Руси: биобиблиографический словарь / под ред. О. В. Творогова. М., 1996. С. 226-227.
3. Власова М. В. Писатель / учитель в русской литературе конца XVIII – середины XIX в. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (9). С. 41-43.
4. Геллер Л. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе: сб. трудов Лозаннского симпозиума / под ред. Л. Геллера. М.: МиК, 2002. С. 5-22.
5. Гудзий Н. К. История древней русской литературы: учебник. М.: Аспект Пресс, 2002. 589 с.
6. Данилов В. В. О жанровых особенностях древнерусских «хождений» // Труды отдела древнерусской литературы. М.: Наука, 1962. Т. XVIII. С. 21-37.
7. Карамзин Н. М. Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице и в сем монастыре // Вестник Европы. 1802. Ч. 4. № 15. С. 207-226.
8. Карамзин Н. М. Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице и в сем монастыре // Вестник Европы. 1802. Ч. 4. № 16. С. 287-304.
9. Маркович В. М. Уроки Шевырева // Шевырев С. П. Об отечественной словесности. М.: Высш. шк., 2004. С. 7-57.
10. Моторин А. В. Духовные направления в русской словесности первой половины XIX века. Новгород, 1998. 212 с.
11. Муравьев А. Н. Путешествие по Святым местам русским. Репринтное издание 1846 г. М., 1990. VIII+402 с.
12. Пасечная Е. В. Типаж «учитель» в русской женской беллетристике первой половины XIX века // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. III. С. 127-130.
13. Флоренский П. А. Троице-Сергиева Лавра и Россия // Флоренский П. А. Вопросы религиозного самопознания. М.: АСТ, 2004. С. 85-212.
14. Шевырев С. П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. М.: Индрик, 2009. 368 с.

**IMAGE OF HOLY TRINITY-ST. SERGIUS LAVRA
IN ESSAY TYPE OF WRITING OF FIRST HALF OF XIX CENTURY**

Aleksandrova-Osokina Ol'ga Nikolaevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Far Eastern State University of Humanities
osokina-11@mail.ru

In the article by the example of the essays by N. M. Karamzin (1802), A. N. Murav'ev (1835) and S. P. Shev'yrev (1847) the range of issues related to the development of spiritual prose of the first half of the XIXth century is considered: problematics is detailed, the mechanisms of artistically-publicistic implementation of it are illustrated. The historical and literary significance of the material is both in the comprehension of topical and style copiousness of spiritually religious prose and in the opportunity to extend the idea about informative-ideological and artistic scopes of the national essay-writing in the XIXth century.

Key words and phrases: spiritual prose; essay; tradition and innovation; «purgatory»; hagiography; ecphrasis; Eastern Christianity and literature.

УДК 82.081

Филологические науки

Статья посвящена анализу предикатов агентивного субъекта, использованных для создания образов персонажей (на примере образа Вощева, героя повести А. Платонова «Котлован»). В работе представлена классификация, учитывающая характеристики субъекта (активность-неактивность, обусловленность действия волей героя), а также семантику предикатов. Предложенный анализ позволяет детально охарактеризовать персонаж и выявить некоторые принципы построения дискурса А. Платонова.

Ключевые слова и фразы: субъект; предикат; язык писателя; язык художественной литературы; А. Платонов.

Анисова Анна Александровна, к. филол. н., доцент
Дальневосточный федеральный университет
anisann@yandex.ru

**РОЛЬ ПРЕДИКАТОВ АГЕНТИВНОГО СУБЪЕКТА ДЛЯ СОЗДАНИЯ
ОБРАЗОВ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «КОТЛОВАН»[©]**

Данное исследование представляет собой анализ предикатов агентивного субъекта, использованных для создания образов персонажей (на примере Вощева) в повести А. Платонова «Котлован», что позволяет не только дать характеристику героям, но и выявить некоторые принципы построения дискурса А. Платонова.